

Анна Алексеевна Крих
(Омский государственный университет)

Ссылная польская шляхта в представлениях сибирской бюрократии, 1860-е годы

Penal exiled Polish gentry in the representations of the Siberian bureaucracy, the 1860s

Keywords: Russian Empire, Poles, exiles, Siberia, XIX century, nobility, administration

Annotation: More than half of the people sent to Siberia from Poland for participation in the January Uprising belonged to the so-called “privileged classes”, above all the nobility. They were not people who were used to physical work, who knew how to cultivate land or craft. So they were unable to earn their living in exile. Over 90% of the exiles who received benefits belonged to this group. The representatives of Siberian administration did not agree on how to treat this group in exile. Some thought that the exiles from the nobility should feel the burden of punishment, and material poverty is one of its elements, others – that it should be easier for the exiles to adapt to the new environment and allow them, by reducing the rigor of supervision, to earn their living. Proponents of the latter solution, above all the Tobolsk governor Aleksander Despot-Zenowicz, also believed that the exiles from this group should be concentrated in the cities, which would not only enable them to earn money, but would also facilitate the supervision of their actions.

Polscy szlacheccy zesłańcy w przedstawieniach syberyjskiej biurokracji, lata 60-te XIX wieku

Słowa kluczowe: Imperium rosyjskie, Polacy, zesłańcy, Syberia, XIX wiek, szlachta, administracja.

Streszczenie: Ponad połowa zesłańców z Polski, którzy trafili na Syberię po powstaniu styczniowym, należała do tzw. „klas uprzywilejowanych”, przede wszystkim szlachty. Nie były to osoby przyzwyczajone do pracy fizycznej, znające się na uprawie ziemi lub rzemiośle. Nie były więc w stanie zarobić na swoje utrzymanie na zesłaniu. Ponad 90% zesłańców pobierających zasiłki należało właśnie do tej grupy. Przedstawiciele syberyjskiej administracji nie byli zgodni co do sposobu traktowania tej grupy na zesłaniu. Jedni uważali, że zwłaszcza zesłańcy wywodzący się ze szlachty powinni czuć ciężar kary, a nędza materialna jest jednym z jej elementów, inni – że należy ułatwić zesłańcom adaptację w nowym środowisku i pozwolić im, poprzez zmniejszenie rygoru nadzoru, zarabiać na swoje utrzymanie. Zwolennicy tego drugiego rozwiązania, przede wszystkim gubernator tobolski Aleksander Despot-Zenowicz, uważali także, że należy zesłańców z tej grupy skoncentrować w miastach, co nie tylko umożliwi im zarobkowanie, ale i ułatwi nadzór nad ich poczynaniami.

Польская шляхта представляла собой многочисленную, но при этом разнообразную в экономическом и этнокультурном отношении группу, которая в 1830-х гг. подвергалась со стороны российских властей социально-правовому разбору. Попытки подразделения шляхты на дворян, доказавших документально свое происхождение, и всех остальных, которые не могли привести убедительные аргументы в пользу своего дворянства и на этом основании причисляемых к непривилегированным сословиям, раз за разом проваливались, не смотря на периодическое продление сроков подачи документов в дворянские комиссии. Очередной разбор шляхты спровоцировал ее активное участие в Январском восстании 1863 г. и, как следствие, высылку ее, в качестве меры наказания, во внутренние губернии России, в том числе в Сибирь.

По конфирмационным материалам Аудиториатского департамента, исследованными В.М. Зайцевым, из 20629 привлекавшихся к судебной ответственности за участие Январском восстании, 51,57% принадлежали к привилегированным сословиями¹, среди которых 71,1% приходилось на представителей дворянства и шляхты². Применительно к западно-сибирской ссылке участников восстания 1863 г., С.А. Мулина приводит данные о принадлежности 62,9% ссыльных к привилегированным слоям населения³. Западная Сибирь отличалась таким составом ссыльных, поскольку в ней размещались лица, сосланные на жительство, среди которых большинство составляла шляхта. Причем, в Тобольской губернии отправленных на жительство ссыльных поляков было больше, чем в Томской⁴.

Попавшие в ссылку на жительство поляки концентрировались в сибирских городах, но 24,9% из них проживали в сельской местности. Именно польские ссыльные дворяне и шляхтичи, сосредоточенные в городах, являлись главными претендентами на получение казенных пособий. По подсчетам Л.П. Роцевской, в 1864 г. в Тобольской губернии почти 90% всех получивших пособие от казны относились к привилегированным сословиям (493 человека)⁵.

Поскольку дворяне активно писали на адреса сибирской администрации прошения на получение пособий от властей (на домообзаводство, на провоз в Сибирь родственников, помощь при отправке на родину и т.п.), именно с ними в большей степени контактировало высшее чиновничество Сибири. Так, в марте 1864 г. бывший воспитанник Варшавской гимназии, сосланный на поселение в Анциферовскую волость Енисейской губернии, 20-летний Болеслав Дашкевич добился при посредничестве штаб-офицера корпуса жандармов Енисейской губернии полковника Николая Игнатьевича Борка, личной встречи с енисейским

¹ В. М. Зайцев, *Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа)*, Москва 1973, с. 221.

² Там же, с. 28.

³ С. А. Мулина, *Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири*, Санкт-Петербург 2012, с. 66.

⁴ Там же.

⁵ Л. П. Роцевская, *История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – нач. 80-х годов)* : Учеб. пособ. для студентов истор. факультета по спецкурсу, Тюмень 1976, с. 90-91.

губернатором генерал-майором Павлом Николаевичем Замятниным. После продолжительного разговора с ссылкой дворянином П.Н. Замятнин пришел к выводу, что «Дашкевич, так вероятно и большая часть присланных сюда поляков, еще не оставил своей сладкой и обманчивой мечты, что они до сих пор есть Польские панове, и как происходящих из привилегированного сословия, правительству наше обязано, по их мнению, оказывать им всякое снисхождение»⁶.

Замятнин не скрывал своего резко-негативного отношения к сосланным полякам. В письме к полковнику Н.И. Борку, он рассуждал о том, что поляки сами виноваты в сложившихся обстоятельствах и «... они должны теперь вооружиться терпением и жить здесь не так, как бы им хотелось, а как Бог приведет... а свой польский шляхетский гонор оставили бы за пределами Восточной Сибири»⁷. Можно увидеть в данной цитате намек на то, что в западной части Сибири «шляхетским гонором» пользоваться можно, поскольку там сам губернатор поляк.

Не считая необходимым предпринимать какие-либо дополнительные усилия по хозяйственному устройству польских ссылкой в Енисейской губернии, П.Н. Замятнин рекомендовал Б. Дашкевичу подать прошение на выдачу пособия, для представления к генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову⁸. Енисейский губернатор был сторонником расселения поляков в сельской местности, считая, что «... отнюдь не надобно дозволять им проживать теперь в городах, в которых и без того уже довольно распространилось Польского элемента»⁹. Отлучаться с места приписки допускалось лишь с разрешения исправника, в противном случае, губернатор угрожал заключать в тюрьму любого, кто ослушается местного начальства.

Противоположную позицию занял полковник Николай Игнатьевич Борк, с которым енисейский губернатор конфликтовал до такой степени, что за Борка был вынужден заступаться начальник 8 округа корпуса жандармов генерал-майор Николай Николаевич Политковский перед шефом жандармов Александром Львовичем Потаповым. Н.И. Борк осуждал запрет на отлучки ссылкой поляков с мест причисления, поскольку многие из них не были привычны к крестьянскому труду и испытывали трудности в приобретении средств для своего содержания. Штаб-офицер корпуса жандармов предлагал разрешить ссылкой полякам наниматься на частные золотые прииски, что «... дало бы им возможность приобретать средства для жизни честным и полезным трудом, отвлекало бы их от праздности и её последствий» и облегчило бы надзор за поляками, который бы помогали осуществлять управляющие, приказчики, промысловая полиция и военная стража¹⁰.

Н.Н. Политковский докладывал в апреле 1866 г. шефу жандармов, что «Сами ссылки поляки... разделились на два лагеря: один, преимущественно

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ), ф. 109, оп. 38, д. 1164, л. 29.

⁷ Там же, л. 29 об.

⁸ Там же, л. 31.

⁹ Там же, л. 31 об.

¹⁰ Там же. 23 об. - 24.

из простого класса, желает ... спокойной жизни и скорейшего устройства; другой, из привилегированных классов, волнуется, шумит, безумствует, составляет сходки и придумывает разные безрассудные и неосуществимые проекты»¹¹. Приведенная характеристика польских ссыльных появилась в связи с возникшем зимой 1865/66 г. подозрением на антиправительственный заговор поляков в союзе с татарами Тарского округа Тобольской губернии¹². С целью ознакомления с положением ссыльных поляков в южные округа Тобольской губернии выехал тобольский гражданский губернатор Александр Иванович Деспот-Зенович в сопровождении Юлия Олендзского. Свои наблюдения и суждения, вынесенные в результате трехнедельного путешествия, тобольский губернатор изложил в феврале 1866 г. в записке, адресованной генерал-губернатору Западной Сибири Александру Осиповичу Дюгамелю.

Исходя из личных наблюдений, А.И. Деспот-Зенович выделил четыре группы ссыльных: 1) дворяне, высланные на жительство без лишения прав; 2) дворяне, посланные на жительство с ограничением прав; 3) лица простого звания, высланные на жительство или водворение и 4) ссыльно-поселенцы разных сословий, оставленные и поселенные по дряхлости и увечью. По мнению тобольского губернатора, с точки зрения влияния на политическую ситуацию в Тобольской губернии, «Лица 3 и 4 категорий не заслуживали особого внимания, потому что первые, т.е. высланные на водворение и жительство, как люди исключительно простого звания и не получившие никакого образования, положительно теряются в большинстве местного населения и при этом они совершенно уже охвачены и поглощены интересами и условиями внешней материальной жизни, на новых местах своего жительства, а вторые, т.е. ссыльнопоселенцы, составляют самую незначительную часть этого элемента и из-за крайне расстроенного здоровья не могут быть опасны для правительства»¹³.

Оставшиеся первая и вторая группы ссыльных, были подразделены на «... людей высшего и низшего круга». А.И. Деспот-Зенович указывал, что при размещении ссыльных польских дворян по городам, он старался «... людей высшего общественного положения по возможности, оставлять в Тобольске или посылать в Омск и Курган, потому что местности эти представляют более удобств для полицейского надзора»¹⁴. Среди дворян первого разряда различались люди, получившие высшее образование, и те, «... которые хотя и имеют состояние и происходят из хороших фамилий, но образование получили самое посредственное»¹⁵. «Между теми и другими можно заметить различие в том, что одни из них, получив домашнее... воспитание, бывали за границей, говорят на нескольких языках, что вместе взятое дает им некоторый аристократический отпечаток; другие же... хотя и развиты интеллектуально, но не имеют наружного лоска и напитаны бо-

¹¹ Там же, л. 159 об. – 160.

¹² ГАРФ, ф. 109, оп. 41, д. 38, ч. 3, л. 2 – 6 об.

¹³ Там же, л. 99.

¹⁴ Там же, л. 99 об.

¹⁵ Там же.

лее демократическими идеями»¹⁶. Тобольскому губернатору более импонировали вторые, если судить по его кругу общения в Сибири.

В этнографическом отношении, которому А.И. Деспот-Зенович приписывал важное влияние, различались ссылные поляки, происходившие из Царства Польского, Северо-Западных и Юго-Западных губерний: «Эти, весьма естественные и неизбежные разности, разъединявшие всегда польскую нацию, и в ссылке разделяют польское общество, в каждом городе, на бесчисленное множество кругов и кружков, почти враждебных друг другу, и составляют для Правительства самую лучшую гарантию их общественного спокойствия и бессилия...»¹⁷. Этнографические наблюдения тобольского гражданского губернатора находят подтверждение в мемуарной литературе, оставленной ссылными участниками Январского восстания 1863 г.

Изучая воспоминания польских ссылных, М. Хростэк обратил внимание на выделение среди ссылных трех групп: «коропяжи» (прибывшие из губерний Царства Польского), «литвины» (из районов Вильно и Гродно) и «русины» или «вольняки» (из юго-западных губерний)¹⁸. Среди «коропяжей» было больше всего ссылных из непривилегированных сословий (мещан, ремесленников и немного крестьян), что предопределило презрительное отношение к ним со стороны других этнических групп поляков, среди которых преобладали представители дворян и шляхты¹⁹.

А.И. Деспот-Зенович подметил, что поляки – «... народ по преимуществу дворянский, и, соответственно, презиравший купечество». Поэтому поощрение ссылных дворян «... к преследованию материальных интересов и торговли, служит самым лучшим доказательством перерождения народного духа и отречения от политической жизни. В этом можно убедиться на каждом шагу в Сибири»²⁰. К 1877 г. дворяне и шляхта, после череды промежуточных амнистий, составляли 44,1 % от ссылных участников восстания 1863 г., находившихся в Западной Сибири под полицейским надзором²¹. Они зарабатывали на жизнь различными видами профессий: торговлей и ремеслом занималось 29,3 % дворян и шляхтичей, в сфере обслуживания (прислуга и извоз) было занято 19,5 % дворян, в сельском хозяйстве – 9,8 %, один ссылный дворянин находился на чиновничьей должности²².

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ М. Хростэк, *Этика ссылных в Сибирь поляков – участников Январского восстания*, [w:] *Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863-1864 гг. : Мат-лы междунар. науч. конф.*, Иркутск 2008, с. 71.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАРФ, ф. 109, оп. 41, д. 38, ч. 3, л. 103.

²¹ Подсчитано по: Л. П. Рощевская, *История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – нач. 80-х годов)* : Учеб. пособ. для студентов истор. факультета по спецкурсу, Тюмень 1976, с. 94, табл. 14.

²² Подсчитано по: Л. П. Рощевская, *История политической ссылки в Западной Сибири...*, с. 94, табл. 14.

Препятствием к аккультурации поляков в Сибири с точки зрения Деспот-Зеновича являлось то, что «... поляки крайне привязаны к своей родине, они живут лишь надеждою на возвращение...»²³. Поэтому следовало ежегодно «... освобождать и возвращать на родину, хотя бы самый ничтожный процент политических преступников разных категорий, ... которые отличным поведением и хорошим образом мысли заслужат монаршую милость»²⁴. Следуя данной установке, шляхтичи чаще других групп ссыльных попадали под действия амнистий и покидали Сибирь. К моменту проведения Всеобщей переписи населения 1897 г. польское население Сибири было представлено в основном крестьянами и лишь 13,4 % поляков являлись личными или потомственными дворянами и чиновниками²⁵. Среди поляков, проживающих в сибирских городах, процент дворян равнялся 28,8 %, в то время как среди всех горожан Сибири дворяне составляли 6,6 %²⁶.

В целом, высшая бюрократия Сибири в официальной переписке демонстрировала распространенные идентификационные маркеры для характеристики польского этноса, такие как доминирование шляхетства в социальной структуре польского народа, приписывание ему деструктивного мятежного духа и постоянного ожидания привилегий, растиражированные публицистами в российских периодических изданиях 1860-х гг. На примере енисейского и тобольского губернаторов можно увидеть как проговариваемые стереотипные суждения об этносоциальной группе используются в административной практике. Если енисейский губернатор П.Н. Замятнин, оставаясь в рамках шаблонного восприятия польской шляхты, использовал это в качестве оправдания своего административного бездействия в отношении польских ссыльных, то А.И. Деспот-Зенович старался использовать стереотипы наряду с богатыми личными наблюдениями в качестве аргументов, подтверждающих правильность выбранного им реформистского стиля управления. Однако центральное руководство оказалось недовольным как пренебрежением и попустительством П.Н. Замятнина, так и активностью в решении насущных проблем польских ссыльных А.И. Деспот-Зеновича, что нашло выражение в «Политическом обозрении внутреннего состояния империи в 1866 г.»²⁷.

Разработка законопроекта о привлечении к государственной колонизации Сибири дворян-землепашцев, как более передовых и культурных аграриев по сравнению с общим крестьянством, смягчила формы идентификации польской шляхты со стороны высоких чинов, но окончательно так и не сделала ее образ положительным. В связи с этим целенаправленной организации переселения шляхетских семей из Западного края по закону от 22 июня 1900 г. не последовало и его преимуществами смогли воспользоваться лишь амнистированные участники Январском восстании 1863 г.

²³ ГАРФ, ф. 109, оп. 41, д. 38, ч. 3, л. 103-103 об.

²⁴ Там же, л. 103 об.

²⁵ В. А. Скубневский, *Польское население Сибири по материалам переписи 1897 года*, [w:] *Польская ссылка в России XIX-XX веков: региональные центры*, Казань 1998, с. 172.

²⁶ Там же, л. 173.

²⁷ ГАРФ, ф. 109, оп. 223, д. 31.

BIBLIOGRAFIA

Зайцев В. М., *Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа)*, Москва 1973.

Мулина С. А., *Мигранты поневоле: адаптация ссылных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири*, Санкт-Петербург 2012.

Рощевская Л. П., *История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – нач. 80-х годов)* : Учеб. пособ. для студентов истор. факультета по спецкурсу, Тюмень 1976.

Скубневский В. А., *Польское население Сибири по материалам переписи 1897 года*, [w:] *Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры*, Казань 1998.

Хростэк М., *Этика ссылных в Сибирь поляков – участников Январского восстания*, [w:] *Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863-1864 гг.: Мат-лы междунар. науч. конф. Иркутск 2008.*